

• ИСТОРИЯ В СУДЬБАХ ЛЮДЕЙ •

Крик о помощи

Реабилитировать (посмертно)...

Был ее Илья обыкновенным человеком, учил он детей географии, истории. Вспоминает Мария Артамоновна, что добрый он был и справедливый, на все свое мнение имел. Может, последнее и навредило ему. Ночью в дом Спуль постучали. Оторвался от тетрадок учитель. Жена открыла двери — на пороге милиционер. В поселке, где жили Спуль, тогда «решительная» борьба со спекуляцией велась. Засмеялась Мария: недоразумение какое-то. Пригласила неожиданного гостя пройти, указала на спящих детей.

— Вот и все наше богатство, другого не держим.

Сказала, а у самой сердце так и заныло, буду поччуюло. Хозяин, протянув документы милиционеру, сказал:

— Мне на сессию на дниах, понадобятся.

Был он заочником последнего курса университета.

— И тебя вместе с ними заберу, — коротко бросил пришелец.

Случилось это перед новым, 1938 годом. Не пошли дети Спуль на первую в своей жизни школьную елку. Так и остался висеть нетронутым щитый мамой по настоянию отца карнавальный костюм. Горе с этого дня проселилось в доме сельского учителя из Кузбасса. А дети стали сиротами. И отцовский поцелуй был последним.

Удалось все-таки жене узнать кое-что о муже, что сидит он, латыш по национальности, вместе с немцами, эстонцами, якобы шпионами. Передала Мария ему в тюрьму теплые вещи, а в ответ получила записку: «Маруся, не беспокойся, вышло какое-то недоразумение. Разберутся». Да, видимо, не очень-то старались разбираться. Потекли дни, месяцы, а потом годы ожидания в семье «врага народа». Писала жена, искала. А однажды представитель НКВД зло сказал: «Чего пишешь? Без права переписки он». Что это значит, мы знаем сейчас. Через некоторое время после такого приговора ничего не оставалось от человека на земле. А в доме Спуль хозяина ждали. И ни на минуту не сомневались в его честности. Отношение к семье «врага

народа» было не позавидуешь. Со слезами прибегали иногда детишки домой: «Мама, с нами соседу Кольке не разрешают играть. Говорят, папка наш вредитель...».

— А вы не слушайте дурных людей, — говорила мать, а сама слезами исходила.

БЕДА приходила за бедой. Едва Мария Артамоновна устраивалась на работу, как тут же ее уволили. Причина, была одна — жена «врага народа». Исключили из комсомола. А какую опасность могла представлять «гражданская крестьянка, которая дальше своего поселка нигде не была? И знала только работу. Что худого людям сделала мать, которая тогда под сердцем носила третьего ребенка? Над этими вопросами не ломали голову «вершили» судеб человеческих в те годы. Подчас становился ей невмоготу, хоть в петлю лез. Но заставляла себя жить ради детей, не верила и в вину мужа. Решилась Мария написать письмо самому Сталину в Москву. И долго в Иштане (туда она переехала потом к матери) ждала бесполезно от «верховного» ответа. Вместо него пожаловал в дом работник НКВД.

— Это ты Сталину писала?...

И так спросил строго, как будто речь о боже камша.

Трудно сейчас все это вспоминать. Например, как гоняли ее с места на место, не давая покоя вопросами о «делениях» мужа. Разве забудешь, как плакал сын Жорка, лучший выпускник Иштанской школы, когда откали ему в приеме в техникум — опять-таки по той же причине — чей сын? Однажды парнишка, бросил в сердцах:

— Все из-за отца этого...

И в ответ услышал резкое мамино:

— Не смей так о нем!

Уехал Жорка далеко

О трагических днях тридцать седьмого и последующих нескольких лет молодое поколение знает по рассказам старших. Все чаще к ним обращаются историки. Больше и больше имен возвращаются к нам. Речь пойдет о «врагах народа», которые никогда ими не были. В число это попали неграмотные крестьяне, домохозяйки, интеллигенты. В ужасные условия были поставлены и члены их семей. Многим повезло, они выжили и все эти годы верили: их близкие безвинны, справедливость будет восстановлена.

О некоторых судьбах людей, переживших это страшное время, о жертвах репрессий и будет рассказывать наша газета.

от дома в Казахстан, чтобы продолжить учебу. Но и там анкета подвела. А отказаться от отца он не смог.

ГОРЯ так и шло по пятам семьи. Грех, но завидовала Мария в войну вдовам.

Скажу иной раз Марии Кучиной: ты хоть знаешь, за что твой погиб. И отношение к тебе другое. А я... — вспоминает Мария Артамоновна. И слезы вновь набегают на глаза от боли, обиды. Они, наверное, не высохнут у нее никогда.

Попала мать на то, что сменила фамилию мужа на девичью. Нет, не предала она своего Илью, в душе за свой поступок у него не раз просила прощения. Ради детей сделала это: им жить, учиться. А когда пришло другое время, через суд восстановила фамилию. Писала о муже всюду, искала его следы. Уверяла в них незнакомых ей людей, что не мог быть ее Илья врагом, уж в этом-то не сомневалась ни на час. Просила ну хоть что-то о нем сообщить.

А скоро получила увесистую бандероль и ответ из Москвы: «Дело по обвинению Спуль Ильи Иосифовича, 1903 года рождения, до ареста, до 25 декабря 1937 года, работавшего преподавателем в Кемеровской области, пересмотрено военным трибуналом Сибирского военного округа 19 июня 1959 года. Постановление от 20 января 1938 года в отношении обвиняемого отменено, делопроизводство прекращено. По настоящему делу Спуль реабилитирован (посмертно). Выслали ей все документы, которые забрали вместе с мужем, все 43. Каждый листочек она разгладила, оплакала, вспомнила десяток эпизодов из жизни мужа.

Ах, как поздно пришла оправдательная бумага в осиротевший дом! Такой большой отрезок человеческой жизни, каждый день которой для семьи был испытанием. Но главное — пришла-таки справедливость. В который раз

уже объясняет бабушке внук с высшим образованием, почему случались такие ошибки. Она то вроде все поняла, а вот что именно с Ильей случилось — так никак не может понять.

Ясно сказано в казенной бумаге: не виновен! А иначе Мария не думала. Детей с этой верой в отца воспитывала.

Вновь и вновь перечиты-

вает вдова документы мужа, которые в 37-ом «осели» в какой-то канцелярии. А люди, которые работали в ней, не очень-то вникали в их суть. Среди них — профсоюзный билет учителя. Последняя марка наклеена в ноябрь. Актуратный был человек Илья. А декабрь? Пустая клетка. Это время отсчета его совсем другой жизни. В лагерях, где содержали «врагов народа», профсоюзов не было.

Рассматриваю и я пожелавшие от времени, mestами потертые документы реабилитированного учителя Спуль. И вырисовывается из них образ порядочного человека, коммуниста. Эта бумага датирована 2 января 1929 г. «Предъявитель сего член рабочей бригады командирован в Уярский район Красноярского края для работы по колхозификации. Просьба ко всем советским, кооперативным органам оказывать ему содействия в работе».

Мария Артамоновна, пристроившись к рядышком, комментирует следующую бумагу. За разгром бандитской группы мужа премировали винтовкой. На прикладе ее была соответствующая надпись. То именное оружие при аресте тоже забрали, выплатив ей иамного позже компенсацию — 230 рублей. Следующие справки еще интереснее, они завершают образ «врага народа». Одна из них, за 28 мая 1931 года, свидетельствует, что И. И. Спуль окончил полный курс Омской совпартишколы.

КАНУЛ человек песчинкой в море людского горя. Дал себе слово сын, еще будучи юношей, узнать о судьбе отца, найти его могилу. Местом жительства выбрал Норильск. Слышал, что строили и этот город «враги народа». Фамилию Спуль на одном из кладбищ нашел: покоится там прах дяди, брата отца, также потом оправданного. А отца все ищет. И самое главное, знают Спуль, что был их близкий человек настоящим коммунистом, хорошим учителем, честным, порядочным человеком. Это немало!

Давно в историю ушли тридцатые. Уходят из жизни и те, кто был жертвой репрессии, их близкие. Но имена несправедливо обвиненных ищут, добрые имена их восстанавливают. И наш с вами долг помочь. Ведь сколько судеб ждут своей очереди очищения. И если в чей-то служебный кабинет стучится старенькая вдова со словами: «Не верю, что был он враг... Помогите...». Ну как не откликнуться? Примите же самое человеческое участие. Доброе имя человеку нужно и после его смерти.

С. МОСИНА.
р. п. Красный Яр.